

Jack
LONDON
1876 — 1916

Джек
ЛОНДОН

Дочь снегов

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 76

Перевод с английского Валерия Минушина

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-11496-8

© В. Минушин, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА I

— Все готово, мисс Уэлз, хотя шлюпку мы вам, к сожалению, предоставить не можем.

Фрона Уэлз проворно вскочила на ноги и подошла к старшему помощнику капитана.

— Мы очень заняты, — объяснил тот, — золотоискатели — груз, мягко говоря, настолько обременительный...

— Я понимаю, — перебила она его, — что веду себя не намного лучше их. Простите мою надоедливость, но... но... — Она быстро повернулась и показала на берег. — Видите тот большой бревенчатый дом? Между сосновым лесом и рекой? В том доме я родилась.

— На вашем месте я бы, наверно, тоже торопился, — сочувственно бормотал он, ведя ее сквозь толпу, заполонившую палубу.

В суматохе люди натыкались друг на друга, и каждый обрушивал свой гнев на препятствие, не жалея глотки. Тысячная орава старателей требовала немедленной выгрузки своего снаряжения. Зияли широко раскрытые люки, пронзительно визжали лебедки, без разбора выхватывая из глубин трюма тюки со снаряжением и стремительно вознося их к небу. Множество плоскодонок, окружавших пароход, принимали летящий вниз груз; там обливавшиеся потом люди бешено набрасывались на него, хватали за стропы, лихорадочно разбирая спускавшиеся тюки и ящики. С палубы, перегнувшись через поручни и размахивая квитанциями, ими командовали хозяева багажа.

Порой на одну вещь предъявляли права сразу двое или трое человек, и тогда между ними начиналась настоящая баталия. Из-за меток «два круга» и «круг с точкой» вспыхивали бесконечные перепалки, на каждую пилу находилась дюжина претендентов.

— Стюард жалуется, что сходит с ума, — сказал старший помощник, помогая Фроне Уэлз спуститься по трапу, — а служащие транспортного агентства вернули груз пассажирам и отказались работать. Однако нам повезло больше, чем «Вифлеемской звезде», — заверил он ее, указывая на пароход, стоявший на якоре в четверти мили от них. — У половины ее пассажиров есть выучные лошади, чтобы добраться до Скагуэя и перевала Уайт, а другая половина движется на Чилкут¹. В агентстве взбунтовались, и вся работа замерла. Эй, вы там! — закричал он, маша рукой баркасу «Уайтхолл», нерешительно выжидавшему позади беспорядочно суетившихся лодок.

Крохотный баркас предпринял отчаянную попытку проскочить перед огромной баржей; но, когда он уже почти проскочил, нервничавший лодочник сделал неловкое движение веслом, глубоко завязив его в воде. Баркас развернуло, и в таком положении он застыл на месте.

— Берегись! — крикнул старший помощник.

Два семидесятифутовых каноэ, полных груза, золотоискателей и индейцев, отошли от кормы парохода и рванули вперед. Одно помчалось напрямик к пристани, но другое притиснуло «Уайтхолл» к барже.

¹ *Скагуэй* — крохотный городок на Аляске, основанный в 1897 г. золотоискателями; перевалы *Уайт* и *Чилкут* — горные перевалы на границе между США и Канадой, через которые проходили основные маршруты старателей к приискам на реке *Клондайк* (см. ниже) во времена золотой лихорадки конца XIX в. — *Примеч. пер.*

Лодочник вовремя успел убрать весла, но его маленький баркас заскрипел под напором каноэ, угрожая развалиться. Лодочник вскочил и в коротких, крепких выражениях пожелал людям в каноэ и их рулевым вечно мучиться в аду. В ответ белые и индейцы в каноэ принялись издевательски хохотать, а человек с борта баржи наградил его хлесткими отборными эпитетами.

— Эй, приятель! — крикнули ему оттуда. — Может, сначала научишься грести?

Кулак лодочника впечатался в подбородок насмешника, и тот, оглушенный, рухнул на гору снаряжения на дне каноэ. Этого лодочнику показалось мало, и он было собрался перелезть в каноэ и продолжить драку. Ближайший к нему золотоискатель решительно схватился за револьвер, который застрял в потертой кожаной кобуре, а его собратья аргонавты со смехом ждали, чем все кончится. Но каноэ вновь тронулось с места, и индеец-гребец ткнул лодочника концом весла в грудь, отбросив его назад на дно «Уайт-холла».

Когда поток проклятий и богохульств достиг апогея и уже казалось, что без свирепой схватки и смертоубийства не обойдется, старший помощник украдкой взглянул на девушку. Он ожидал увидеть потрясение и страх на девичьем лице, а уж никак не возбуждение и жгучий интерес.

— Приношу вам свои извинения... — заговорил он.

Но та прервала его, словно раздраженная тем, что ее отвлекли от зрелища.

— Нет-нет, не нужно извиняться. Все это так забавно. Хотя я рада, что у того человека револьвер застрял. Не случись этого...

— ...мы бы еще не скоро добрались до берега, — засмеялся ее сопровождающий, демонстрируя чувство

такта. — Этот человек — грабитель, — продолжал он, указывая на лодочника, который наконец опустил весла в воду и принялся грести. — Согласился доставить вас на берег всего за двадцать долларов, сказав, что с мужчины потребовал бы двадцать пять. Да он пират, в один прекрасный день его вздернут на виселице, попомните мое слово. Двадцать долларов на полчаса работы! Каково, а!

— Полегче, приятель! Полегче! — предупредил тот, о ком шла речь, неловко причаливая и роняя одно из весел в воду. — Нечего бросаться обвинениями, — с вызовом добавил он, выжимая намокший рукав рубахи.

— У тебя хороший слух, дружище, — сказал старший помощник.

— И быстрый кулак, — перебил его лодочник.

— И за словом в карман не лезешь.

— В моем деле без этого не обойтись. С вами, акулами, иначе нельзя. Говоришь, я пират? А вы-то сами набили тысячу пассажиров, как сельдь в бочку! Дерете с них двойную цену, как за первый класс, а кормежка как в четвертом, и спят они у вас вповалку, хуже свиней.

В этот момент краснолицый человек свесил голову через поручни верхней палубы и завопил что есть силы:

— Я хочу, чтобы мой груз переправили на берег! Поднимитесь сюда, мистер Терстон! Сейчас! Немедленно! Полсотни моих индейских лошадок того гляди перегрызутся насмерть на вашем грязном корыте, и вам худо придется, ежели сей же час не перевезете их на берег! Я теряю тысячу долларов в день и не желаю дольше это терпеть! Вы слышите? Не желаю! За то время, пока мы шли из Сиэтла, вы меня до нитки обобрали, и разрази меня гром, если я это так оставляю! Я уничтожу вашу пароходную компанию, не будь

я Тед Фергюсон! Слышите вы меня? Я — Тед Фергюсон, и вам не поздоровится, если не подниметесь ко мне сейчас же! Слышите?

— Пират, вот как? — бурчал лодочник себе под нос. — Кто? Я?

Мистер Терстон умиротворяюще помахал красным лицом и повернулся к девушке.

— Я с удовольствием проводил бы вас до самого склада, но видите, сколько у нас дел. До свидания и счастливого пути. Я сейчас же пошлю двух человек, чтобы отнесли ваш багаж. Заберете его на складе завтра утром, как откроется.

Она легко оперлась на его руку и ступила в лодку. Протекавшее суденышко внезапно накренилось под ее весом, и хлынувшая сквозь щели на дне вода залила ее ботиночки; но она, не теряя самообладания, уселась на корме и подобрала ноги.

— Секунду! — вскричал старший помощник. — Это никуда не годится, мисс Уэлз. Вернитесь, я раздобуду вам одну из наших шлюпок, как только смогу.

— Раньше... в рай попадешь, — осадил его лодочник, отплывая. И добавил с угрозой: — Отцепись!

Мистер Терстон крепко ухватился за планшир¹, но его рыцарский поступок был вознагражден резким ударом весла по костяшкам пальцев. Забыв как правила приличия, так и о самой мисс Уэлз, он разразился яростной бранью.

— Полагаю, мы могли бы попрощаться более пристойно! — крикнула она ему из лодки, и ее смех звонко раскатился по воде.

— Боже мой! — пробормотал он, галантно снимая фуражку. — Что за женщина!

¹ *Планшир* — продольное крепление корпуса шлюпки в виде тонкого деревянного бруса с гнездами для уключин. — *Примеч. отв. ред.*

Он внезапно почувствовал к ней неодолимое влечение и страстное желание вечно видеть свое отражение в серых глазах Фроны Уэлз. Он не анализировал свой порыв, не искал ему объяснения, но знал, что мог бы пойти за ней на край света. Ему стала отвратительна его профессия моряка, в нем шевельнулось искушение все бросить и отправиться, как она, на Клондайк¹; потом он посмотрел на нависавший над ним борт парохода, увидел красную физиономию Теда Фергюсона и забыл о вспыхнувшей было мечте.

Плюх! Усердное весло шлепнуло по воде, и брызги попали Фроне в лицо.

— Простите, мисс, — огорчился лодочник. — Стараюсь, как умею, а умею не очень.

— Похоже, что так, — ответила она добродушно.

— Не могу сказать, чтобы я любил море, — с горечью признался он, — но мне нужно честно заработать несколько долларов, и этот способ показался мне наиболее подходящим. Я б уже был сейчас на Клондайке, повези мне хоть малость. Я скажу вам, как все случилось. Я потерял свое снаряжение на Уинди-Арм, на полпути, когда уже преодолел перевал Уайт...

Снова весло окатило ее брызгами. Она отерла глаза, ежась от холодной воды, попавшей за ворот.

— У вас все получится, — подбодрил он ее. — Вы отлично подходите для этих краев. Хотите добраться до самого конца?

Она весело кивнула.

— Значит, доберетесь. А я, как уже говорил, после того как лишился снаряжения, вернулся на берег, не

¹ *Клондайк* — река на северо-западе Канады, правый приток реки *Юкон*; с открытия в августе 1896 г. месторождений золота на ручье *Бонанза* в районе Клондайка началась клондайкская золотая лихорадка 1896–1899 гг. — *Примеч. отв. ред.*

имея ни гроша, чтобы поскорей заработать на новое. Вот почему и поднимаю плату. Надеюсь, не сердитесь, что я столько прошу. Я не хуже других, мисс, верно вам говорю. Мне пришлось отдать сотню за эту старую калошу, которая в Штатах обошлась бы не больше чем в десять долларов. И так куда ни кинь. Ближе к Скагуэю за гвоздь для подковы дерут четверть доллара. Человек заходит в бар, заказывает виски. Виски — полдоллара. Выпивает он свое виски, швыряет на стойку пару гвоздей для подковы — и все о'кей. Никто не швырнет их ему обратно. Гвозди для подков служат там разменной монетой.

— Вы, должно быть, смелый человек, если отважились вернуться после того, что с вами случилось. Не скажете, как вас зовут? Может, мы еще встретимся на приисках.

— Кого? Меня? О, я Дел Бишоп, старатель; и на тот случай, если доведется встретиться, запомните: понадобится, отдам вам последнюю рубашку, то есть последний кусок хлеба.

— Благодарю! — ответила она, мило улыбнувшись, ибо ценила в людях искренность.

Лодочник перестал грести и нашел в воде под ногами старую жестяную банку из-под солонины.

— Начинайте вычерпывать воду, — велел он, бросив ей жестянку. — Лодка стала течь еще сильнее после того, как меня притиснули к барже.

Фрона мысленно улыбнулась, подоткнула юбки и принялась за работу. Всякий раз, как нос лодки опускался, на горизонте вставали, подобно громадным морским валам, заснеженные горы. Время от времени она выпрямлялась, давая отдых спине, видела впереди запруженный народом берег и окруженный сушей залив, где стояли на якоре десятка два огромных пароходов. Между каждым пароходом и берегом сновал

туда и обратно непрерывный поток яликов, баркасов, каное и всяких прочих лодчонок. «Человек — великий труженик, борется с враждебной окружающей средой», — думала она, вспоминая учителей, чью мудрость впитывала на лекциях и засиживаясь за полночь за рабочим столом. Она была истинное дитя века и хорошо понимала материальный мир, как и его устройство. И любила его, и глубоко чтילה.

Некоторое время Дел Бишоп молчал, и лишь мерный плеск весел нарушал тишину; но неожиданно спохватился.

— Вы не сказали, как вас зовут, — проговорил он с самодовольной учтивостью.

— Меня зовут Фрона, — ответила она, — Фрона Уэлз.

На его лице появилось выражение благоговейного страха и трепета.

— Вы Фрона Уэлз? — с ударением, медленно выговорил он. — Джейкоб Уэлз вам приходится папашей?

— Да, я дочь Джейкоба Уэлза, к вашим услугам.

Дел протяжно и понимающе свистнул и перестал грести. Потом скомандовал:

— Отправляйтесь-ка на корму и вытаскивайте из воды ноги. И отдайте банку.

— Вас не устраивает, как я вычерпываю воду? — негодуя спросила она.

— Нет-нет! Отлично вычерпываете; но... но вы... вы...

— Я та же, что и прежде, когда вы не знали, кто я. Ваше дело грести — вот и продолжайте, а я буду продолжать заниматься своим.

— Ну и ну! — восхищенно пробормотал он, с новой силой налегая на весла. — Так Джейкоб Уэлз — ваш папаша? Надо б мне было раньше догадаться.

Когда они достигли песчаного берега, где высились груды разнообразного товара и сновало множество людей, Фрона задержалась, чтобы попрощаться со своим перевозчиком. И хотя подобный поступок со стороны женщины, нанявшей его, был безусловно необычен, Дел Бишоп легко оправдал его тем фактом, что она была дочерью Джейкоба Уэлза.

— Помните, что можете рассчитывать на мой последний кусок хлеба, — повторил он, удерживая ее руку в своей.

— И последнюю рубашку, не забывайте.

— Вы бесподобны! — с жаром воскликнул он. — Бесподобны!

Короткая юбка не стесняла движений, и она с приятным удивлением обнаружила, что городская сменяющая походка сменилась у нее свободным широким шагом, который свойствен лишь человеку, привычному к дальней дороге и преодолению всех тягот пути. Не один золотоискатель, провожая взглядом ее щиколотки и икры, обтянутые серыми гетрами, присоединялся к мнению Дела Бишоп. И не одного, взглянувшего раз на ее лицо, тянуло взглянуть на него снова, ибо глаза ее смотрели с дружеской прямоотой и всегда светились предвестием улыбки, готовой засиять, как заря, в ответ на обращенную к ней улыбку. Свет этой улыбки менялся в зависимости от настроения, вызвавшего ее, — веселую, сочувственную, радостную, шутливую. Порой этот свет озарял все ее лицо, предваряя саму улыбку, какое бы чувство та улыбка ни отражала. Но неизменно искреннюю и дружелюбную.

И у нее было немало поводов улыбаться, пока она поспешно шла через толпу, заполнявшую песчаную полосу и низкий берег за ней, к бревенчатому дому, который показывала мистеру Терстону. На берегу время словно повернулось вспять: перемещение груза

вновь происходило самым что ни на есть примитивным способом. Люди, которые в жизни не носили ничего тяжелее свертков, теперь стали переносчиками тяжестей. Они больше не шагали с достоинством по миру, но двигались согнувшись, подавшись вперед, опустив голову к земле. Их спины стали выучными седлами, и на них уже начали появляться ссадины от ремней. Они шатались от непривычного напряжения, их ноги от усталости дрожали и разъезжались, как у пьяных, пока наконец свет не мерк у них в глазах и они не валились в изнеможении у дороги вместе со своим грузом. Другие, втайне радуясь, грузили свое добро на двухколесные ручные тележки и шустро катили их вперед, но только чтобы застрять у первых же валунов, загромождавших тропу. Там они заново выводили правила путешествия по Аляске, бросали тележку или катили ее обратно и сбывали по определенной цене последнему сошедшему на берег искателю удачи. Новоприбывшие, с кольтами, патронташами и охотничьими ножами, оттягивавшими пояса, отважно шагали вверх по тропе, чтобы вскорости уныло тащиться обратно вниз, в нескрываемом отчаянии избавляясь от револьверов, патронташей и ножей. Так, задыхаясь и обливаясь потом, сии сыны Адама избывали грех своего прародителя.

Фрона чувствовала смутную тревогу среди этого колышущегося моря людей, охваченных золотой лихорадкой, и само место, с которым у нее было связано столько воспоминаний, казалось, выглядело иначе из-за этих тяжело нагруженных чужаков. Даже привычные особенности пейзажа казались незнакомыми. Все было прежним, и в то же время все изменилось. Здесь, где она ребенком играла на лужайке у моря и вздрагивала, слыша, как эхо ее голоса катится от ледника к леднику, десятки тысяч людей тяжелой посту-

пью беспрерывно брели кто вверх, кто вниз, втаптывая в почву нежные травы и нарушая безмолвие гор. А дальше на тропе были еще десятки тысяч таких же, и еще десятки за Чилкутом. И позади них новые тысячи впрягших ветер и пар стремились сюда со всех концов земли между островков у побережья Аляски и до самого мыса Горн. Река Дайя, как встарь, с грохотом несла свои бурные воды к морю, но ее древние берега были истоптаны бесчисленным множеством людей, которые бесконечными рядами шли, с натугой таща на бечеве, с которой капала вода, тяжело груженные лодки вверх по реке. Здесь сошлись в поединке воля человека и воля воды, и люди смеялись над старой Дайей и все глубже протаптывали тропу на ее берегах для тех, кто последует за ними.

Дверь склада, в который Фрона когда-то бегала, чтобы с благоговейным страхом смотреть на заполнявших его бродяг-трапперов¹ или торговцев пушниной, сейчас осаждала многоголосая толпа. Там, где в прежние времена одно-единственное письмо дожидалось адресата, теперь, с изумлением увидела она в окно, от пола до потолка высилась гора писем. Этой-то почты и требовали с такой настойчивостью люди. Другая толпа была перед складом, у весов. Индеец бросал на весы тюк, белый владелец весов записывал в блокноте вес, и на весы летел новый груз. Каждый тюк был обвязан ремнями и ждал спины носильщика, чтобы отправиться в рискованное путешествие через Чилкут. Фрона протиснулась поближе. Ей было любопытно, сколько сейчас стоит доставка груза. Она помнила, что в прежние времена одинокому старателю или торговцу пушниной перенос тюка со снаря-

¹ *Трапперы* — охотники на пушных зверей в Северной Америке. — *Примеч. отв. ред.*

жением обходился в шесть центов, иначе говоря, сто двадцать долларов за тонну.

Новичок, который взвешивал свою поклажу, сверился с путеводителем.

— Восемь центов, — сказал он индейцу.

Индейцы издевательски рассмеялись и хором ответили:

— Сорок центов!

Лицо новичка страдальчески скривилось, и он беспокойно оглянулся вокруг. Он уловил вспышку сочувствия в глазах Фроны и уставился на нее отрешенным взглядом. В действительности он вычислял, в какую сумму ему обойдется доставка трех тонн груза по сорок долларов за сто фунтов.

— Две тысячи четыреста долларов за тридцать миль! — воскликнул он. — Что мне делать?

Фрона пожала плечами.

— Лучше заплатить по сорок, — посоветовала она, — иначе они снимут ремни.

Тот поблагодарил ее, но, вместо того чтобы последовать совету, продолжил торговаться. Один из индейцев вышел вперед и начал развязывать ремни, стягивавшие тюк. Новичок замахал руками, но только собирался сказать, что сдается, носильщики подняли цену до сорока пяти центов. Он бессильно улыбнулся и кивнул. Но тут другой индеец подошел к остальным и принялся что-то возбужденно шептать. Раздались одобрительные возгласы, и не успел человек понять, что происходит, они отвязали свои ремни и ушли, сообщая всем новость, что стоимость доставки клади до озера Линдерман теперь пятьдесят центов.

Неожиданно толпа перед складом заметно оживилась. Люди возбужденно перешептывались, и их глаза были устремлены на трех человек, приближавшихся со стороны старательской тропы. Вид у троицы был

самый обыкновенный, больше того, они были похожи на последних оборванцев. В более нормальном сообществе их бы немедленно задержал деревенский констебль и арестовал за бродяжничество.

— Француз Луи, — шептали новички, и это известие облетело толпу.

— Имеет три заявки на Эльдorado¹, — доверительно сообщил Фроне сосед. — Стоят самое малое десять миллионов.

Шагавший чуть впереди своих спутников Француз Луи был не похож на обладателя миллионов. Он лишился шляпы где-то по дороге, и его голову покрывал небрежно повязанный старый шелковый платок. И хоть он был миллионером, но сам тащил на широкой спине свой багаж.

— А тот, что с бородой, это Билл Свифтуотер, еще один король Эльдorado.

— Откуда вы знаете? — недоверчиво спросила Фрона.

— Знаю! — воскликнул ее собеседник. — Знаю! Да его портрет не сходил со страниц всех газет по меньшей мере последние шесть недель. Смотрите! — Он развернул газету. — Очень похож. Я так часто смотрел на него, что узнал бы эту рожу среди тысячи других.

— А третий кто? — поинтересовалась она, тем самым как бы отдавая дань его осведомленности.

Ее собеседник привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть.

— Не знаю, — с сожалением признался он, потом хлопнул по плечу человека, стоявшего рядом: — А кто это вон тот тощий, с бритым лицом? В голубой рубахе и с заплатой на колене?

¹ *Эльдorado* — золотой прииск в районе одноименного ручья, впадающего в реку Клондайк. — *Примеч. отв. ред.*

В этот момент Фрона с радостным криком рванулась вперед:

— Мэт! Мэт Маккарти!

Человек с заплатой на колене приветливо пожал ей руку, хотя, не узнав, с сомнением смотрел на нее.

— О, вы не помните меня! — затараторила она. — И не смейте уверять, что помните! Не будь вокруг так много зевак, я бы крепко обняла вас, старый медведь! И вот Большой Медведь пришел домой к своим Медвежатам, — заговорила она низким голосом. — А Маленькие Медвежата были очень голодны. И Большой Медведь сказал: «Догадайтесь, что я вам принес, детки». Один Маленький Медвежонок сказал, что ягоды, другой — что лосося, а третий Маленький Медвежонок сказал, что дикобраза. Тогда Большой Медведь рассмеялся: «Вуф! Вуф!» — и сказал: «Не угадали, я принес вам Славного Большого Жирного Человека!»

Он слушал, и постепенно его лицо теплело, а когда она закончила, вокруг его глаз собрались морщинки, и он рассмеялся каким-то особенным беззвучным смехом.

— Нет, я наверняка знаю тебя, — объяснил он, — но, хоть убей, не могу припомнить.

Она показала на склад и с волнением наблюдала за его реакцией.

— Вспомнил! — Он отступил на шаг, осмотрел ее с головы до ног, и на его лице появилось выражение разочарования. — Не может этого быть! Я обознался. Ты не могла жить в той хибаре, — показал он пальцем на склад за спиной.

Фрона энергично закивала: могла, могла.

— Так это все-таки ты? Оставшаяся без матери маленькая милая сиротка с золотыми волосами, которые я так часто расчесывал? Маленькая чаровница, босиком бегавшая тут вокруг?

— Да, да, — весело подтвердила она.

— Маленькая шалунья, стащившая собачью упряжку и отправившаяся в разгар зимы через Перевал посмотреть на край света и что там есть дальше, а все из-за волшебных историй, которые ей рассказывал старый Мэт Маккарти?

— О Мэт, дорогой Мэт! Помнишь, как я пошла купаться с девочками со стойбища индейцев-сивашей?

— А я вытащил тебя за волосы из воды?

— И потерял новый резиновый сапог?

— Ну конечно помню. Возмутительный, достойный порицания поступок! А сапоги-то стоили десять долларов в лавке твоего отца.

— А потом ты ушел через перевал Уайт вглубь территории, и мы больше не слышали о тебе. Все думали, что ты умер.

— Вспоминаю тот день. Ты плакала, обнимая меня, и не хотела поцеловать своего старого Мэта на прощанье. Но в конце концов поцеловала, — торжествуя воскликнул он, — когда поняла, что я взаправду ухожу! Ты была такая кроха!

— Мне было всего восемь.

— Да, двенадцать лет прошло. Двенадцать годочков я пробыл там, ни разу не выбирался сюда. Тебе уж, должно быть, двадцать стукнуло?

— Стукнуло. И я почти с тебя ростом, — заявила Фрона.

— Да, ты стала женщина что надо, высокая, стройная и все такое. — Он критически оглядел ее. — Только, пожалуй, не мешало бы быть немного поплоней.

— Нет-нет, — не согласилась она. — Не в двадцать лет, Мэт, не в двадцать. Потрогай мои мышцы и увидишь. — Она согнула руку, продемонстрировав напругшийся бицепс.

— Неплохо, — признал он, с восхищением проводя рукой по вздувшейся мышце, — как если б ты зарабатывала на жизнь физическим трудом.

— О, я могу играть в гольф, боксировать и фехтовать, — закричала она, последовательно принимая ту или иную позу, — и плавать, и нырять с вышки, двадцать раз подтягиваться на перекладине... ходить на руках. Вот!

— Так ты *этим* занималась? Я думал, ты уехала, чтобы заниматься науками, — заметил он сухо.

— Теперь учат по новой методе, Мэт, и не выпускают в жизнь, забив вам голову одними только теориями...

— Но неспособными крепко стоять на ногах! Ладно, прощаю тебе твои мускулы.

— А ты-то сам как, Мэт? — спросила Фрона. — Как прожил эти двенадцать лет?

— Посмотри на меня! — Он широко расставил ноги, откинул голову и выпятил грудь. — Перед тобой стоит мистер Мэтью Маккарти, король из благородной династии Эльдорадо, добившийся всего собственными руками. Мои богатства беспредельны. Я за минуту получаю столько золотого песка, сколько не видел за всю мою жизнь. А сейчас я намерен отправиться в Штаты, чтобы найти своих предков. Я твердо уверен, что они у меня когда-то имелись. На Клондайке можно найти самородки, но только не доброе виски. Так что еще я намерен хоть раз выпить настоящего виски до того, как умру. Такой я дал себе зарок, а после этого вернусь на Клондайк надзирать за своими владениями. Я истинный король Эльдорадо; и, если захочешь застолбить лакомый участочек, я ссужу тебя деньгами.

— Все тот же старый Мэт, ничуть не изменился, — засмеялась Фрона.

— А ты все та же истинная Уэлз, несмотря на мускулы боксера-профессионала и мозги философа. Однако давай догоним Луи и Свифтуотера. Я слышал, Энди по-прежнему управляет складом; посмотрим, помнит ли он еще меня.

— И меня тоже. — Фрона схватила его за руку. Она так и не избавилась от дурной привычки хватать за руку тех, кто ей нравился. — Уж десять лет миновало с тех пор, как я уехала отсюда.

Ирландец шел сквозь толпу как таран, и Фрона двигалась за ним, защищаемая его широкой спиной. Новички благоговейно смотрели на них, как на богов Севера.

— Кто эта девчонка? — спросил кто-то в толпе.

И, входя в дверь склада, Фрона услышала начало ответа:

— Дочь Джейкоба Уэлза. Никогда не слышал о Джейкобе Уэлзе? Ты что, с луны свалился?

ГЛАВА II

Она вышла из сияющей белизной стволов березовой рощи с первыми огненными лучами солнца, золотившими ее распущенные волосы, и легко помчалась по росистому лугу. Земля под ногами была перенасыщена влагой и мягка, буйные травы хлестали по коленям, обдавая сверкающими, как бриллианты, брызгами. На ее щеках рдел утренний румянец, глаза светились молодостью и любовью. Ибо, оставшуюся без матери, ее взрастила природа, и она горячо любила и старые и молодые деревья, смутный шорох неиссякаемой жизни ласкал ее слух, и сладостно было вдыхать влажные запахи земли.

Там, где луг исчезал в тенистой лесной опушке, она нашла среди голоногих одуванчиков и яркоцветных лютиков стайку крупных аляскинских фиалок. Бросившись ничком на землю, она погрузилась лицом в их благоухающую прохладу и прижала к щекам их роскошные темно-лиловые венчики. Она не стыдилась своего порыва. Она долго блуждала среди сложностей, пороков и губительных страстей огромного мира и вернулась обратно, прямая, чистая и здраво-мыслящая. И, лежа среди цветов, радовалась своему возвращению, уносясь мыслями в прошлое, когда Вселенная начиналась и заканчивалась у линии горизонта и когда она отправилась через Перевал, чтобы увидеть Бездну.

В детстве ее окружала примитивная жизнь, подчинявшаяся немногочисленным, но суровым традициям. Кратко их можно было выразить словами, которые она где-то прочитала годы спустя: «Вера в хлеб и крышу над головой». «Вера, которую исповедовал отец», — подумала она, вспоминая, с каким почтением люди произносили его имя. Эту веру приняла и она — с нею прошла через Бездну и лежащий за нею мир, где человек отверг старые истины и создал эгоистичные догмы, прибегая к изощреннейшей казуистике; с этой верой она вернулась назад, как прежде неиспорченная, молодая и жизнерадостная. Ведь это все так просто, мысленно спорила она с живущими в том, ином мире, почему ее вера не может быть их верой — вера в хлеб и крышу над головой? Вера в отслеживание зверя и охотничий привал? Вера, с которой сильные, умелые люди смотрят в лицо внезапной опасности и неожиданной смерти на охоте или в разлившейся реке? Почему? Вера Джейкоба Уэлза? Вера Мэта Маккарти? Индейских мальчишек, с которыми она играла в детстве? Индейских девчонок, этих амазонок? Волкода-

вов в упряжке, бегущих с ней по снегу? Это была благотворная вера, подлинная, добрая, и Фрона была счастлива ею.

Звонко запела малиновка в березовой роще, приветствуя ее. Звуки окружающей жизни вернули Фрону в настоящее. Где-то в глубине рощи шумно взлетела куропатка; над головой, благосклонно цокая, пронеслась белка, перелетая с ветки на ветку, с дерева на дерево. От невидимой реки доносились крики бредущих берегом искателей приключений, чуть свет отправившихся в путь на север.

Фрона встала, откинула назад волосы и машинально пошла по тропе между деревьями к стоянке индейцев племени дайя с их вождем Джорджем. Ей повстречался мальчишка-индеец, нагой, не считая набедренной повязки, как бронзовый бог. Он собирал хворост и бросил на нее пристальный взгляд через бронзовое плечо. Она беспечно пожелала ему доброго утра на языке его племени; но мальчишка замотал головой, неприятно засмеялся и оторвался от своего занятия, чтобы мерзко выругаться ей вслед. Это было неожиданно и непонятно — в прежние времена такого не бывало, и, повстречав здорового, хмурого индейца из племени ситка, Фрона прошла мимо, не разжимая губ. Выйдя из рощи, она оказалась перед становищем. Увиденное поразило ее: это было уже не прежнее становище примерно из двух десятков вигвамов, расположившихся рядышком, как бы за компанию, на лугу, но огромное стойбище. Оно начиналось в самой роще и расплзлось по равнине, вобрав в себя группки деревьев, до самого речного берега, где были причалены в десять-двенадцать рядов длинные каноэ. Невиданное прежде сборище племен, занимавшее тысячу миль вдоль реки. Племен, ей незнакомых, с женами, скарбом и собаками. Ей встречались индейцы

из Джуно¹ и с острова Врангеля, ее задевали плечом стиксы с безумными глазами с той стороны Перевала, свирепые чилкаты и индейцы с островов Королевы Шарлотты. Они бросали на нее злые, хмурые взгляды или — что еще хуже — высокомерно косились и со смешком цедили грязные ругательства.

Их наглость не испугала ее, но вызвала в ней гнев, поскольку причинила боль и отравила радость возвращения домой. И все же она быстро поняла причину происходящего: старые, патриархальные устои времен ее отца канули в прошлое, уступив цивилизации, которая в один миг обрушилась на этих людей. Заглянув под поднятый полог вигвама, она увидела молодых мужчин с испитыми лицами, которые сидели кружком на корточках. Груда разбитых бутылок у входа говорила о том, что они бодрствовали всю ночь. Белый человек с лицом негодяя и плута сдавал карты, а на расстеленное одеяло в центре круга игроков летели золотые и серебряные монеты. Пройдя еще несколько шагов, она услышала жужжание рулетки и увидела индейцев, мужчин и женщин, которые азартно ставили заработанные трудом и потом деньги ради выигрыша в виде какой-нибудь аляповатой безделушки. Из вигвамов и палаток слышался визгливый и неумный звук дешевых музыкальных шкатулок.

Старая скво, сидевшая на солнышке у входа в вигвам и обдиравшая кору с ивовой жерди, подняла голову и пронзительно вскрикнула.

— *Хи-Хи! Тинас Хи-Хи!* — возбужденно зашамкала она беззубым ртом.

¹ *Джуно* — город, ныне столица Аляски, названный по имени золотоискателя Джозефа Джуно (1833/1836–1899). До появления европейцев место обитания племени глинкаитов. — *Примеч. пер.*

Фрона затрепетала, услышав ее возглас. Тинас Хи-Хи! Маленькая Хохотушка! Так ее называли в далеком индейском прошлом! Она развернулась и направилась к старой индианке.

— Не забыла меня, Хи-Хи? — проговорила та. — У тебя глаза молодые и острые! Нипоза-то так скоро не забывает.

— Нипоза, неужто это ты? — вскричала Фрона. — Язык с трудом слушался ее, поскольку столько лет она не пользовалась индейским наречием.

— Да, это я, Нипоза, — ответила старуха, втащила ее внутрь вигвама, отправив быстрогоного мальчишку с каким-то поручением. Они уселись на земляной пол, индианка ласково похлопывала Фрону по руке и вглядывалась подслеповатыми мутными глазами в ее лицо. — Да, это я, Нипоза, рано состарилась, как водится у наших женщин. Нипоза, которая качала тебя на руках, когда ты была ребенком. Нипоза, которая назвала тебя Тинас Хи-Хи. Которая боролась за тебя со Смертью, когда ты болела; собирала в лесу и в поле травы, заваривала и поила тебя. Но ты мало изменилась, так что я тут же узнала тебя, едва увидела твою тень на земле. Сразу подняла голову. Если и изменилась, то, может, чуть-чуть. Стала высокая и, как тонкая ива, такая же стройная, и солнце реже целовало твои щеки все эти годы; но волосы прежние, развеваются вольно и цветом как бурые морские водоросли, которые выносит прилив, и все тот же рот, любивший смеяться и не любивший плакать. Глаза такие же ясные и честные, как в те времена, когда Нипоза бранила тебя за проказы и твой язык не лгал в оправдание. Ай! Ай! Другие женщины, которые теперь приходят на нашу землю, не такие, как ты!

— А почему у вас нет уважения к белой женщине? — сердито спросила Фрона. — Я шла по стойбищу,

а ваши люди говорили мне дурные слова, и даже мальчишки, когда шла через лес. В прежнее время я играла с ними, и такого срама не было.

— Ай! Ай! Это так, — ответила Нипоза. — Но не кори их. Не изливай гнев на их головы. Потому что, по правде, виноваты не они, а женщины, которые теперь приезжают сюда. Они не могут указать на одного мужчину и сказать: «Это мой муж». Нехорошо, что женщины так ведут себя. Смотрят на всех мужчин дерзко и безо всякого стыда, и речи у них нечистые, а сердце недоброе. Зачем нам тут ваши бесчестные женщины? А мальчишки есть мальчишки. А мужчины, откуда им знать, что они такие?

Откинув шкуру, прикрывавшую вход, в вигвам вошел старик. Заворчал, увидев Фрону, и уселся на земляной пол. Лишь по некоторой оживленности движений можно было судить, как он рад ее появлению.

— Значит, Тинас Хи-Хи возвратилась назад в эти худые времена, — снисходительно произнес он резким, вибрирующим голосом.

— Почему худые, Маским? — спросила Фрона. — Разве у ваших женщин одежда не стала ярче? Разве ваши животы не полны муки, бекона и прочей еды белого человека? Разве ваша молодежь не сумела сильно разбогатеть на переноске грузов и перевозке людей на каноэ? И разве вы не приносите богам, как встарь, мясо, рыбу и одеяла? Почему худые времена, Маским?

— Все это так, — ответил он вдохновенно, как свойственно шаману, и в его глазах вспыхнул отблеск бывшего огня. — Ты совершенно права. Женщины одеваются ярче. Но они стали привлекательней для белых мужчин и больше не смотрят на юношей одной с ними крови. Отчего племя не растет и малые дети не копошатся под ногами? Все так и есть. Животы сыты пищей белого человека; но в них еще и плещется

скверное виски белых. Конечно, иными способами молодежь не смогла бы разбогатеть; но она ночи напролет играет в карты, и богатство уходит от них, и они говорят грубые слова, а в гневе дерутся друг с другом, и между ними возникает вражда. И у старого Маскима стало меньше приношений: мяса, и рыбы, и одеял. Потому что молодые женщины отвергли старые порядки и молодые мужчины больше не почитают старые тотемы и старых богов. Поэтому, Тинас Хи-Хи, сейчас худые времена, и вот старый Маским в скорби идет к могиле.

— Ай! Ай! Все это так! — запричитала Нипоза.

— Твой народ заразил своим безумием мой, — продолжал Маским. — Они плывут сюда по соленому морю, как волны морские, твой народ, и идут... Ай! Кто знает, куда они идут?

— Ай! Кто знает куда? — возопила Нипоза, раскачиваясь.

— Они всегда идут туда, где мороз и холод; идут бесконечно, волна за волной!

— Ай! Ай! Туда, где мороз и холод! Это далекий путь, во тьме и холоде! — Нипоза задрожала, потом неожиданно коснулась руки Фроны. — И ты идешь?

Фрона кивнула.

— И Тинас Хи-Хи идет туда! Ай! Ай! Ай!

Полог приподнялся, и в вигвам заглянул Мэт Маккарти.

— Сидишь здесь, Фрона, да? А завтрак уже полчаса поджидает тебя, и Энди, эта старая перечница, кипит от возмущения. Доброе утро, Нипоза, и тебе, Маским, — поздоровался он с собеседниками Фроны, — хотя, наверно, вы не помните мою физиономию.

Старики, буркнув ответное приветствие, погрузились в бесстрастное молчание.

— Поторопись, девочка, — сказал Мэт, снова повернувшись к Фроне. — Мой пароход отплывает в полдень, и видется нам осталось до этого времени в лучшем случае. И Энди кипит не хуже завтрака на плите.

ГЛАВА III

Фрона помахала, прощаясь с Энди, и двинулась по тропе. За спиной у нее были крепко приторочены фотоаппарат и небольшой дорожный мешок. В дополнение вместо альпенштока в руке у нее была ивовая палка, ошкуренная Нипозой. Одета она была в некое подобие альпинистского костюма с короткой юбкой, к тому же серого цвета и скромное, легкое, дающее максимальную свободу движениям.

Стараниями Дела Бишопа ее снаряжение отправилось вперед на спинах дюжины индейцев за несколько часов до этого. Вернувшись накануне с Мэтом Маккарти из стойбища сивашей, она встретила Дела Бишопа, поджидавшего ее на складе. Тот кратко и по существу изложил ей свое предложение, и они быстро ударили по рукам. Она отправляется вглубь страны. Он собирается сделать то же самое. Ей понадобится сопровождающий. Если она еще никого не выбрала, то он самая подходящая кандидатура. Он забыл сказать, когда переправлял ее на берег, что несколько лет назад бывал в глубине страны и все знает о тех местах. Конечно, он ненавидит воду, а путь туда пролегает в основном по воде; но он не боится этого. Он ничего не боится. Больше того, готов драться за нее по малейшему поводу. Что касается платы, когда они прибудут в Доусон¹, то достаточно будет замолвить

¹ Доусон — городок на северо-западе Канады (территория Юкон), основанный в 1896 г. у места слияния рек Клондайк и Юкон. — *Примеч. отв. ред.*

Лондон Дж.

Л 76 **Дочь снегов** : роман / Джек Лондон ; пер. с англ. В. Минушина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11496-8

«Дочь снегов» (1902) — первый роман Джека Лондона — повествует о приключениях молодой эмансипированной американки на Клондайке во времена «золотой лихорадки». Двухлетняя Фрона Уэлз, дочь богатого предпринимателя и старожилы Юкона Джейкоба Уэлза, возвращается к отцу на Север после трех лет обучения в Европе. Истинной дочери этого сурового края, сильной, умной, волевой, отважной и целеустремленной, способной преодолевать любые препятствия и делить испытания наравне с мужчинами, Север готовит испытание любовью и любовным соперничеством, в котором проверяются на прочность и она сама, и ее поклонники...

Книга публикуется в новом, ранее не издававшемся переводе, впервые представляющем отечественному читателю полный текст романа.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН
ДОЧЬ СНЕГОВ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Редактор Ольга Миклухо-Маклай
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Наталья Бобкова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.12.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

A-AKB-19526-02-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/